

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ОБЩЕСТВО БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЯ-ГАНГА»

**БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ИСКУССТВО**

СЕДЬМЫЕ ДОРЖИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
БУДДИЗМ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Материалы конференции

Улан-Удэ

6–8 июля 2016 года

**Санкт-Петербург
2018**

Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монголоязычных народов (XIX – начало XX в.)¹

Во второй половине XIX – начале XX в. ведущим миссионерским и этнополитическим учреждением в России, одним из крупных православных центров по изучению истории, культуры, этнографии и языка тюркских, финно-угорских и монголоязычных народов являлась Казанская духовная академия (1842–1921 гг.).

Ключевые слова: Россия, Восток, монголоязычные народы, миссионерское востоковедение и монголоведение, Казань, Национальный архив Республики Татарстан, Казанская духовная академия.

Комплексное историографическое и источниковедческое исследование просветительской, научной и общественной деятельности преподавателей миссионерских отделений Казанской духовной академии, анализ научных трудов по истории, этнографии, языку и культуре тюркских, финно-угорских и монголоязычных народов Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири, созданных в Казани во второй половине XIX – начале XX в., представляет академический и прикладной интерес для современных ученых и практиков.

Историко-культурный феномен взаимодействия буддизма, ислама и христианства наиболее отчетливо проявился в Волго-Уральском регионе и Сибири. После падения Казанского и Астраханского ханств (1552–1556 гг.) и завоевания Сибирского ханства в 1583 г. российским правительством проводилась активная имперская миссионерская политика по отношению к этносам и народам присоединенных территорий. Основной ее целью были насильственное крещение, русификация, создание специальной системы образования и ее ключевых институтов.

С момента установления власти Москвы над многонациональным населением Казанского и Сибирского краев и учреждения особой епархии (1555 г.) утверждение православия являлось не только миссионерской задачей церкви, но было важной составляющей государственной политики российского царизма на восточных окраинах Российской империи.

Вооруженное завоевание Московским государством своих давних политических и духовных соперников — Казанского, Астраханского и Сибирского ханств — в XVI в., а также военно-политическое и социокультурное подчинение территории Волго-Уральского и Сибирского регионов стало

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, 17-01-00209/17-ОГОН. «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев».

значимым рубежом в формировании и развитии нового политического, военного, цивилизационного, коммуникационного, демографического, информационного пространства между Востоком – Россией – Европой.

Эти важные события, произошедшие в XVI – начале XX в. в истории и культуре тюркских, финно-угорских, славянских, монгольских и других народов Евразии, имели исключительное значение в развитии мировой цивилизации. В исторических и культурных центрах Поволжья, Приуралья и Сибири обозначился новый рубеж столкновения и поиска путей межкультурного взаимодействия христианской (православной), исламской и буддийской цивилизаций. Постепенно территориальные притязания дополнялись формированием новых религиозных и духовных ценностей и ориентиров среди региональных сообществ и народов. Исторические последствия взаимодействия мировых цивилизаций в Волго-Уральском и Сибирском регионах оказались значимы как для России, так и для Запада.

В XVIII – первой половине XIX в. произошло формирование системы преподавания и изучения восточных языков — арабского, татарского, калмыцкого, монгольского — и финно-угорских языков в православных духовных учебных заведениях, в частности, в Казанской семинарии и академии. Изучение восточных языков народов России преследовало практические интересы и обслуживало потребности внутривосточной и социокультурной деятельности самодержавия.

История российского востоковедения XVIII – начала XX в. ярко отражает позицию русской православной церкви и духовенства. Это прослеживается в создании духовных миссий на Востоке, изучении восточных языков в синодальных учреждениях, появлении миссионерских центров в азиатских регионах Российской империи и т. д. В XIX – начале XX в. Казань стала официальным центром практики и идеологии православного миссионерства и русификации народов Поволжья, Приуралья и Сибири, в том числе монголоязычных народов российского государства.

Два мировоззрения — светское и религиозно-православное — отчетливо представлены в российском востоковедении в целом и монголоведении и буддологии в частности.

Указ Павла I от 31 мая 1800 г. об учреждении в Казанской духовной академии (в 1797 г. преобразована из духовной семинарии) «особого класса татарского языка» положил начало официальному преподаванию в ней восточных языков. Вплоть до 40-х гг. XIX в. преобразования православных учебных заведений г. Казани не позволяли углублять преподавание восточных языков и формировать прочную систему востоковедных дисциплин. Преподавание татарского языка в духовной семинарии г. Казани было связано с желанием духовного начальства открыть «классы татарского языка» в учебных заведениях Казанского духовно-учебного округа — Астраханской, Нижегородской, Пермской, Пензенской, Тамбовской, Оренбургской,

Тобольской епархиях. Именно в 40-х гг. XIX в. активизируется изучение восточных языков в духовной академии, которая во второй половине XIX в. стала ключевым центром миссионерской идеологии и практики в Российской империи. Основное внимание было уделено изучению восточных языков — арабского, татарского, калмыцкого и монгольского [1; 2; 6, с. 5].

Важное значение имело образование в январе 1845 г. в составе духовной академии двух восточных разрядов (кафедр) — монгольско-калмыцкого и турецко-татарского (арабского), просуществовавших до 1854 г. [5; 6; 7; 19, л. 1; 20, л. 40]. Постановка преподавания восточных языков в академии в середине 40-х гг. XIX в. связана с именами известных профессоров восточного разряда университета А. К. Казем-Бека и А. В. Попова. В 1844–1845 гг. студенты духовной академии были допущены к слушанию в Казанском университете лекций по восточным языкам — татарскому, монгольскому и калмыцкому. С середины 40-х гг. XIX в. в академии формируется свой круг преподавателей восточных языков. Среди них первые выпускники академии — Н. Ильминский и А. Бобровников [4; 10; 11, с. 740; 18]. Преподавание азиатских языков и исследование материалов было поставлено на регулярную основу в середине – второй половине XIX в. Истоки традиции востоковедения в православных учебных заведениях г. Казани справедливо связывают с деятельностью А. А. Бобровникова (1821–1865), Н. И. Ильминского (1822–1891) и Г. С. Саблукова (1804–1880). В 1854 г. Указ Синода, который ликвидировал в духовной академии восточные разряды и открыл миссионерские отделения, где были представлены язык и этнография татар, монгольский и калмыцкий языки, а также языки и этнография языческих народов России, положил начало новому этапу в истории казанского миссионерского востоковедения [20, л. 39; 21, л. 96–97 об.].

На этом этапе официальные мероприятия имперских властей превратили Казанскую духовную академию в крупнейший центр миссионерского востоковедения в России. Такой широты в преподавании восточных языков и востоковедных предметов практически не было в других российских православных духовных учебных заведениях во второй половине XIX – начале XX в.

Казанские востоковеды-миссионеры тесно сотрудничали с православными обществами и миссиями и были связаны учебной и научной деятельностью со многими российскими академическими и университетскими центрами и ориенталистами. В 1854–1855 гг. в противомусульманском и противобуддистском отделениях духовной академии открылись должности практикантов восточных языков — монгольского и татарского. Эти должности сохранились и расширились во второй половине XIX в. – первых десятилетиях XX в.

История, этнография и языки народов Сибири и Дальнего Востока в разные периоды времени изучались на противобуддистском отделении и на

монгольском отделе Казанской духовной академии, а с 1889 г. на Казанских двухгодичных миссионерских курсах при Казанской духовной академии. Так, здесь изучались история и этнография монголов, бурят, калмыков, остяков, самоедов, якутов, чукчей, тунгусов, маньчжур, корейцев, гольдов, гиляков, коряков и др. Занятия вели И. И. Ястребов, иеромонах Гурий (Степанов), священник И. Попов, иеромонах Амфилохий, А. П. Межуев, И. И. Шаракшинов и др.

Отличительной чертой казанского миссионерского востоковедения стала подготовка преподавателей восточных языков и обучение этим языкам посредством направления в регионы, населенные азиатскими народами империи, и на зарубежный Восток. На мусульманский Восток был направлен выпускник Казанской духовной академии М. А. Машанов, посетивший Джидду и Каир в 1885–1887 гг. [12, с. 158–160; 16]. В 1909–1910 гг. лектор французского языка и практикант арабского языка «кафедры арабского языка и обличения мухамеданства» академии П. К. Жузе находился с научной целью на арабском Востоке. В 1912–1914 гг. в Монголии в научной командировке находился исполняющий должность доцента академии иеромонах Амфилохий с целью изучения монгольского и тибетского языков, а также буддизма [17; 22, л. 11].

В результате многочисленных командировок преподавателями Казанской духовной академии были составлены научные отчеты и накоплено большое количество документальных источников, книг и других предметов, отражающих культуру, быт, обычаи, национальные праздники многих народов России. Большинство этих ценных вещей было собрано в миссионерском историко-этнографическом музее Казанской духовной академии, организованном в сентябре – октябре 1912 г. при фундаментальной академической библиотеке.

Большое значение для комплектования фондов имели пожертвования преподавателей академии. Многие из них имели многолетний опыт миссионерской деятельности. Так, доцент академии по кафедре калмыцкого языка архиепископ Иннокентий (Илья Иванович Ястребов; 1867–1928) в течение 14-летней миссионерской деятельности несколько раз побывал в калмыцких улусах Астраханской губернии с целью изучения языка, быта и религиозных верований калмыцкого народа, путешествовал по Сибири, совершенствуя опыт миссионерской деятельности и изучая язык сибирских монголов [13]. Ученый-востоковед, профессор академии по кафедре миссионерских предметов, архиепископ Суздальский Гурий (Алексей Иванович Степанов; 1880–1938) пожертвовал музею ценные коллекции буддийских, монгольских, калмыцких и бурятских «идолов» и другие предметы домашнего быта монголов, калмыков и бурят [23].

Коллекцию из более чем ста предметов, привезенных из Монголии, преподнес в дар музею специалист по буддизму иеромонах Амфилохий (Алек-

сандр Яковлевич Скворцов; 1885–1937; впоследствии епископ Енисейский и Красноярский). В их числе были изображения буддийских богов и богинь на полотне, из терракоты, бронзы, дерева и папье-маше, ксилографические доски для печатания молитв, принадлежности шаманского культа, четки, китайские монеты и многое другое [9; 14; 15]. После возвращения в 1914 г. из двухлетней командировки в Монголию он, помимо научной и преподавательской деятельности, он принимал самое активное участие в судьбе музея, будучи помощником директора [8].

Во второй половине XIX – первых десятилетиях XX в. происходят существенные изменения в преподавании восточных языков и миссионерских востоковедческих предметов или курсов. Формируется и развивается система подготовки православных миссионеров, знающих восточные языки, историю язычества, ислама и буддизма. Казанские миссионеры-востоковеды духовной академии активно занимаются разнообразными вопросами идеологии и практики православной миссионерской деятельности в России, в частности, в Поволжье и Приуралье, Сибири, на Дальнем Востоке и Кавказе.

В завершение доклада позволю себе обратить внимание на неопубликованный фундаментальный труд архиепископа Гурия¹ «Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Том 2. Буряты». Этот труд сохранился в фондах Национального архива Республики Татарстан [24] и включает в основном 1001 машинописный лист.

Несомненно, его работа (в основном машинописный и отчасти набранный типографским способом текст) — это новый интересный источник, связанный с официальными задачами политико-культурной интеграции буддийского пространства Российской империи и «изучения живой буддийской религиозной традиции, получившей распространение в Центральной Азии» [3, с. 139]. Во многом он является оригинальным материалом, позволяющим осмыслить феномен буддизма в исследованиях российских православных миссионеров-ученых второй половины XIX – начала XX в.

Нам представляется, что данный труд имеет исключительное значение для изучения феномена миссионерской деятельности православной церкви среди монголоязычных народов, особенно бурят. В оценке автора: «Настоящее исследование является продолжением наших работ по истории распространения христианства среди монгольских племен и обнимает собою

¹ Гурий (Алексей Иванович Степанов, 1880–1937/38) — архиепископ Суздальский, православный миссионер и востоковед-буддолог. Автор различных буддологических работ, связанных с философско-теоретическими и практическими результатами его деятельности. В 1906 г. окончил Казанскую духовную академию. В 1908 г. в Казани он опубликовал свою диссертацию «Буддизм и христианство в их учении о спасении». Автор «Очерков по истории распространения христианства среди монгольских племен» (Т. 1. Казань, 1915) и других работ.

весь период миссионерской деятельности Православной Русской Церкви среди бурят — восточной ветви монгольского народа, проживающего в пределах России» [24, л. 1].

В целом в нем затрагиваются вопросы православного прозелитизма в политическом и этнокультурном буддийском пространстве Сибири через призму истории христианизации бурятского народа. В той или иной степени миссионерская деятельность Русской православной церкви среди бурят освещается с оценкой внутренних и внешних исторических факторов — формирования русского государства и его этнической и религиозной роли в противостоянии с буддизмом в его «ламаистской» форме и распространения христианской культуры в языческой и буддийской Сибири.

Работа архиепископа Гурия включает интересное введение, где дан исторический очерк жизни бурят; представлен насыщенный материал, посвященный различным миссиям (Даурская, Иркутская, Забайкальская и др.) и их святителям, начиная с Иннокентия (И. Кульчицкий) и последующим его преемникам; особое внимание уделено «внутреннему состоянию крещеных бурят», «правовому положению крещеных бурят», «школьному делу», «переводческому делу», «заботам о материальном благосостоянии»; разнообразные материалы посвящены «ольхонским бурятам», «идинским бурятам», «араларским бурятам», «кударинским бурятам», «баргузинским бурятам»; излагается краткая история различных миссионерских станций (Бохонский, Молькинский, Бильчирский, Аларский и др.); описываются «порядок крещения и назидания» и «враги миссии: ламство, шаманство, языческое начальство»; выделяется раздел «заключительный период в истории Иркутской духовной миссии»; приводится «список церквей Иркутской епархии за 1912 г.» и др.

Его труд заканчивается заключением, в котором представлены сравнительные выводы о распространении христианства «среди инородцев других епархий, как, например, среди калмыков в Астраханской епархии, среди вотяков Вятской епархии за первое десятилетие XIX-го ст., среди алтайцев Томской епархии...» [24, л. 934].

Заключая, архиепископ Гурий писал: «...Народные массы крещеных бурят обрекались на неизбежный долгий путь двоеверия с внутренним преобладанием языческого самосознания в доброй половине этого пути. Можно сказать, что проникновению христианским самосознанием здесь суждено было идти параллельно с обрусением бурят и усвоением ими уклада русской культурной жизни, поскольку этот уклад тесно связан с началами христианства» [24, л. 953].

В конце своего труда архиепископ Гурий дает пять приложений: «Краткий исторический очерк положения ламаизма в Забайкалье», «Положение миссии после Пр. Мелетия», «Суждения о положении противоламайской миссии Иркутского миссионерского съезда», «Меры, предложенные Казан-

ским и Иркутским съездами для улучшения миссионерского дела и усиления христианской проповеди среди ламаитов-калмыков и бурят».

В своих приложениях автор обращается к оценке деятельности А. Дорджиева: «Особенно пропаганда ламаизма успешно шла в Кырмэнском ведомстве — на родине Хамбо-ламы Агвана Дорджиева»; «...выдвигалась слава верхоленского уроженца — старшего Цанита-хамбо (первого министра Далай-ламы — Агвана Дорджиева); «с переселением Далай-ламы из Тибета в Монголию, Агван Дорджиев каждую осень приезжал в Петербург и, прожив там зиму, весной возвращался в Монголию» и др. [24, л. 978–979].

Заккрытие Казанской духовной академии в 1919/1920 учебном году превало традицию миссионерского монголоведения и буддологии в России.

Литература

1. Валеев Р. М. Из истории казанского востоковедения середины-второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков — тюрколог и исламовед. — Казань: Казань, 1993. — 103 с.

2. Валеев Р. М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). — Казань: Изд-во КГУ, 1998. — 380 с.

3. Ермакова Т. В. Исследования буддизма в России (конец XIX – начало XX в.) // Восток, 1995. — № 5. — С. 139–148.

4. Журавский А. В. Казанская духовная академия на переломе эпох. 1884–1921 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 1999. — 281 с.

5. Знаменский П. В. История Казанской Духовной Академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). Вып. I. — Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1891. — 380 с.

6. Знаменский П. В. История Казанской Духовной Академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Вып. II. — Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1892. — 593 с.

7. Знаменский П. В. На память о Николае Ивановиче Ильминском: к двадцатипятилетию Братства Святителя Гурия. — Казань: Братство святителя Гурия, 1892. — 402 с.

8. Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 6. — Тверь: Булат, 2002. — 478 с.

9. Отчет о состоянии Казанской Духовной Академии за 1909–1913 гг. — Казань: [б. и.], 1913. — 427 с.

10. Пайнс Р. Россия при старом режиме. — М.: Независимая газета, 1993. — 421 с.

11. Православная богословская энциклопедия. Т. VIII. — СПб.: Тип. «Россия», 1907. — V, 866 с.

12. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1885 г. — Казань: [б. и.], 1885. — 189 с.

13. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1890 г. — Казань: Тип. Казан. Ун-та, 1891. — 367 с.

14. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1907–1913 гг. — Казань: [б. и.], 1913. — 487 с.

15. Успенский В. Л. Поездка иеромонаха Амфилохия в Монголию в 1912–1914 гг. // Письменные памятники Востока, 2006. — № 1. — С. 137–144.

16. Хабибуллин М. З. Михаил Александрович Машанов — профессор Казанской духовной академии, миссионер и исламовед. — Казань: Алма-Лит, 2006. — 408 с.

17. Хабибуллин М. З., Кострюков М. А. Казанское востоковедение XIX – первой половины XX вв.: П. К. Жузе. — Казань: Яз, 2012. — 311 с.

18. Werth P. W. Subjects for Empire: Orthodox Mission and Imperial Governance in the Volga-Kama Region, 1825–1881. — Ann-Arbor: University of Michigan, 1996. — 561 pp.

19. НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 463.

20. НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 827.

21. НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1324.

22. НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11095.

23. НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11358.

24. НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 874.